

Вадим Уткин
Сексот Кобов
Рассказ

В основе этого рассказа – действительный случай, который произошел в начале 50-х годов со спецпереселенцем Вениамином Яковичем Мартином, эстонцем, выпускником Тимирязевской сельскохозяйственной академии, проживавшим вместе с женой Лидией Мартовной в поселке Францевка Чайнского района (недалеко от нынешней Андреевки). Многие детали, некоторые имена других персонажей – вымыщенные, но сам сюжет, имя главного героя – подлинные.

Это стало для Мартина уже привычкой: вечером, после работы, прежде чем зайти в избу, он долго сидел на скамеечке у калитки. Думал о прожитом дне, как бы сбрасывая его со своих плеч, прикидывал дела на завтра. Нынешний день выдался – не приведи Бог такой же. С утра бригаду колхозников послали заделывать промоину в плотине у реки Тоя. Мартина назначили старшим. Мужики возили на телегах глину, пацаны и бабы таскали и укладывали хворост. Было холодно, часов в 11 посыпалася противная морось, и хотя к обеду стихла, дорогу и глиняный карьерчик расквасило, работать стало невозможно. Ездовой Колька Корнилов, щуплый 13-летний подросток, застрял в колдобине и от бессилия начал полосовать коня бичом. Молодой Гнедко дернул так, что шкворень лопнул, передняя ось телеги выдернулась из-под плетеного кузова. Гнедко, закусив удила, понес, не разбирая дороги, и застрял в чащобе меж двух деревьев.

Мартин испугался не на шутку: Гнедко посек себе ноги, хрюпел и бился, разбрзгивая кровь, никого к себе не подпускал. С Кольки что возьмешь – пацан, а для Мартина, если конь сломал ногу, маячила формулировка «вредительство». Побежали в деревню за помощником кузнеца Ефремом – чинить транспортное средство, да за бабкой Устей, чтобы усмирить Гнедко – она «слово знала».

Но дальше все пошло как по маслу. Зажимистый Ефрем достал откуда-то новый шкворень, раны у Гнедка оказались неопасными. Устя намазала их дегтем, замотала тряпочками и весело перекрестилась: «Через неделю, даст Бог, все заживет». Тут и солнышко выглянуло, все задвигались веселей, и наряд выполнили с лихвой.

Можно считать, что день прошел благополучно, но что-то непонятное тревожило Мартина. После работы он заметил за углом конюховки Ефрема, который явно его поджидал. «Спасибо, выручил», - сказал ему Мартин. «Я тебе помог, и ты мне потом пособишь», - то ли улыбнулся, то ли ощерился кузнец. Что он хотел сказать, на что намекал? Темный человек этот Ефрем. Не было у него в деревне роду-племени, откуда он взялся тут после войны – никто толком не знал...

- Якобыч, идите в дом. Я уже и суп налила, - позвала с крыльца жена. Она звала его на «вы», он в свою очередь и дома, и на людях именовал ее Лидией Мартовной, что вызывало изумление и насмешки у односельчан. Вениамином его никто не называл много лет, в последнее время даже жена, как и все в округе, окликала по отчеству. Якобыч, Якоб, Яков – он уже и сам внутренне смирился с новым именем.

Взгляд жены был испуганным, и даже при тусклой лампе можно было заметить ее бледность.

- Что-то случилось?

- Посыльный Гудков принес, - боязливо протянула она мужу бумагу.

На обороте какой-то старой бухгалтерской записи корявым почерком коменданта было написано: «с/п Мартину Францевка явиться к 10 утра в комендатуру Гришкино» (с/п в те времена означало «спецпереселенец»).

Основательно уснуть в эту ночь он так и не смог. Зачем его вызывают? Из-за сегодняшнего происшествия – вряд ли, не успели бы донести. Может по поводу слухов, будораживших в последнее время все ближайшие поселки? Люди шептались, что у болота дважды видели чужого мужика. А на прямушке, через близкий кульстан, к дереву кто-то

прилепил бумажку, на которой печатными буквами химическим карандашом было написано: «Сталин враг народа!». Но я то, я то здесь каким прицепом? – размышлял Якоб, ворочаясь с боку на бок и слушая тяжелые вздохи неспящей жены.

В кабинете коменданта у стола сидели трое. В центре, за главного – мужчина лет 40, с седыми висками, во френче без погон и с «гражданскими» пуговицами, справа – гришкинский комендант. В деревне коменданта за глаза звали Чернотой – сам чернявый, мерин у него был вороной и маленький злющий кобелёк у ноги тоже без единого белого пятнышка. Слева от главного вертесь на стуле моложавый старлей в отглаженной гимнастерке, новой скрипящей португее и блескучей фиксой на переднем зубе.

- Спецпереселенец Мартин... 44 года... эстонец... образование высшее, - зачитывал личное дело комендант, а двое приезжих сверлили вошедшего глазами.

Потом начался разговор, больше похожий на допрос. Вопросы задавал молодой Щеголь, как про себя окрестил его Мартин, а Главный только слушал, вертя в руках красивый серебряный портсигар. Кто родители? Когда уехал из Эстонии? Евсеева знаешь? Где работал? Кто содействовал поступлению в Тимирязевку? Красинского знаешь? Кто преподавал в академии? Кто родители жены? Петраков тебе известен? Кто из родственников был под немцами?

Вопросы были бесконечны, и Мартин потерял счет времени – два или три часа это длилось, определить он не мог.

- Ладно, - прищелкнул портсигар к столу Главный, - пора проветриться.

Они встали и вышли в коридор.

- Понял, зачем тебя вызвали? – с усмешкой спросил в дверях Щеголь.

- Нет, - вытер со лба испарину Мартин.

- Тогда думай, дядя, думай.

Вернулись они часа через полтора сытые и подобревшие, разговаривали про охоту. Старлей, не переставая что-то весело рассказывать и изображать в лицах, подозвал Мартина рукой и дал бумагу. Это была подписька о неразглашении сегодняшнего разговора. И только Мартин ее подписал, разговоры остановились.

- Ну что, дядя, допёр, наконец, зачем ты здесь?

- Нет, - пожал плечами Мартин и уставился в пол.

- Смотри на меня, – вкрадчиво и жестко сказал Главный. – Мы пригласили Вас... как там?... Вениамин Яковович, чтобы попросить помочь нам...

- Тута гад один бродит, шпиен чей-то, вражина полная, - вставил комендант.

- ... помочь нам и социалистическому государству бороться с внутренним врагом, - невозмутимо продолжал Главный. – Вы станете нашим секретным сотрудником и будете информировать обо всех провокационных разговорах и настроениях.

- Я не смогу, - растерянно ответил Мартин. – Ну, какой из меня секретный сотрудник?... - Руки его мелко задрожали, он выронил на пол шапку и побоялся наклониться за ней.

- Чё ломаисся? – закричал комендант. – Ему доверили, а он целку корчит! Ишь ты – не смогу... Да всех делов – послушал, написал донесение и ночью в дупло засунул.

- В какое дупло? – опешено спросил Мартин.

- Ну, в елку здоровенную, что слева по дороге на Францевку стоит.

- Почему ночью? – как-то тупо от страха продолжил спрашивать Мартин и тут же пожалел о том, что вообще открыл рот. Его вопросы восприняли как полусогласие.

- А затем, дядя, - засмеялся Щеголь, - что в 12 часов там будет наш человек и заберет твою записку. На, подписывайся, что согласен на секскота.

- На кого?

- На секретного сотрудника. Сокращенно сек. сот.

- Ночью я не смогу. Никак не смогу, - необычно быстро для себя заговорил Мартин, понимая, что влип, увяз так, что не выбраться. – Жена... Лидия Мартовна... она ревнивая, она заметит, будет следить, догадается... Нет, нет, не смогу.

- Сможешь! – заорал комендант.

«Беседа» затягивалась. Мартина то увещевали, то страшали, наконец, Главный опять прищелкнул портсигар к столу и встал:

- Хватит лясы точить. Я поеду, - сказал он Щеголю.- А ты здесь заночуешь и завтра к 10 утра привезешь мне все документы. С его подписью, - указал пальцем на Мартина. После его ухода в кабинете воцарила тягостная тишина. Щеголь долго перебирал бумаги, бубня себе под нос, а потом бросил папку на стол: - Ну, все. Завтра в 6 утра чтоб подпись была, - и весело подмигнул коменданту, - если чего – я у Ганьки буду отдыхать.

И опять тишина. Комендант достал свою папку и стал что-то писать ручкой, противно скребя пером, потом бросил ее, выматерившись, и взялся за карандаш. Время тянулось неимоверно медленно, наваливаясь душающей тяжестью. Когда начало смеркаться, Чернота закрыл папку в сейф и уставился на Мартина.

- Хочь ты враг, - сказал он добродушно, - я ж к тебе обнакновенно, без злобы. Ты вот что... заночуешь прям здесь, а утром и скажешь: толь подписываться будешь, толь мово Воронка запрягать пойдешь, да в КПЗ поедем.

Комендант завел его в узкую комнатушку без окна, где стояли метлы, лопаты, старые плакаты и ломаные стулья.

- Тута и легай отдыхать.

Он пытался закрыть дверь, чтобы набросить замок, но косяки были перекошены, накладка не доставала до ушка. Плюнул с досады и махнул рукой:

- Да куды ты денесся...

Мартин долго стоял в темноте, потом сел на порог, прислонив голову к косяку.

«Беда...беда...», - беззвучно шевелил он губами. Мысли корчились, хаотично роились в голове, и Мартин никак не мог сосредоточиться. Почему-то вспомнил белочку, которую хотел подарить ребятишкам в школу: он сделал ей проволочную клетку, и белка целыми днями металась по ней, пока не загнала сама себя до смерти. У неё не было гнездышка, куда она могла спрятаться. И сейчас Мартин чувствовал, что задыхается и умирает: спрятаться некуда и выхода нет - или подписывайся, или тюрьма. «Пусть сажают», - зло решил про себя Мартин, но тут же подумал про Лидию Мартовну – что будет с ней? Как с Эльзой? Эльзу с двумя детьми и тетей везли сюда на одной барже с ними. Роскошная 27-летняя красавица, жена крупного таллинского пароходчика, утратила всю свою красоту на обском берегу, когда в серый рассветный час в одну могилку с тремя другими детьми положили ее маленького Томаса. Через полгода умерла дочурка, похожая на кудрявого ангела. Эльза в одночасье превратилась в старуху и замерзла в беспамятстве на задах конного двора. Мартин вспомнил, во что превратились тонкие руки и пальцы жены, некогда легко летавшие над клавишами рояля, и заплакал. «Она без меня пропадет... Выхода нет, нет выхода...», - в бессилии стучал он головой о колени...

Комендант пришел рано – часов в пять, с мятным, недовольным лицом. Молча махнул Мартину, заходи, мол, в кабинет. Долго настраивал керосиновую лампу, также молча положил лист с отпечатанным на машинке текстом и его фамилией, вписанной от руки, протянул ручку. Мартин медленно и обречено расписался, успев прочитать последнее предложение: «Если я нарушу данное обязательство и государственную тайну, то буду отвечать по всей строгости советских законов вплоть до смертной казни». Он вздрогнул и отпрянул от стола.

- Да не трусишь ты, - вяло буркнул комендант. – Один ч tol'я такой? Ты вот что: раз у тебя баба ревнивая, будешь не к елке ходить, а по средам на кузню к Ефрему. Аккурат опосля обеда.

- Каждую среду? – ужаснулся Мартин.

- Раз в месяц – кровь с носу. Если хошь, можешь и кажную. В записке, значится, напишешь: такой-то колхозник сказал то-то. И подпись... какой у тебя тута псевдоним? – заглянул в папку, -... Кобов... Ты же Якович? Вот и будешь своему тятке родня, - сонно хохотнул комендант и тут же посоловел. - И ты эта: привычку свою единоличную брось! Как ни глянешь, все в сторонку норовишь. Сяли мужики курить – ты в середочку,

разговор поддержи, байку какую сморозь. Вражина, глядишь, и проболтается за компанию.

-А если они - так, без умысла. Болтают и болтают, язык без костей...

-Дурочку ломать тута не надо, - побагровел Чернота. – Ты ученый и должен понимать, где происки. Вона, летом приезжал к нам райисполком веники овечкам на зиму вязать. Можно сказать, проявили энтузиазм руководящего звена. А эти сволочи девки, - задохнулся комендант от гнева, - учудили, мать их растак и поперек: приперли охапки этих веников на танцы, Ваську-гармониста от комаров обмахивать.

-Так они все равно гниют каждый год у овчарни.

-А это не твово умишка дело. Уполномоченная тута одна осталась ночевать, культурный отдых проконтролировать, а потом на планерке и доложила: так мол и так, попытка принизить роль районного актива. Соображаешь политический момент? – комендант значительно поднял палец кверху, а потом уставил его на Мартина. - А зачинщицу тада не выявили, - добавил он многозначительно и угрожающе, будто Мартин и был в этом виноват.

-Ну всё, иди. И чтоб на работе сёдни был.

Мысли Мартина путались, а ноги и того хуже. Дважды упав в кромешной темноте в грязь, он за поскотиной сел под копешку и решил ждать рассвета. Очищая пучком сена глину со штанов, спицых из мучных мешков, заметил, как трусятся руки, и всего его колотит мелкая дрожь. «Кобов... сексот Кобов...», - повторял и повторял он про себя, и напряжение последних суток вдруг прорвалось изнутри нервным истерическим смехом. Он вспомнил историю четырехлетней давности, когда соседка Марфа Горбунова назвала своего кабанчика Кобой. Случайно услышав, как ее внучка, Верка-дурочка, орет на всю деревню «Коба, Коба!», он отозвал Марфу к плетню и шепотом сказал, что так называть свиней нельзя. Коба – это партийная кличка Сталина, когда он был молодым и делал революцию на Кавказе. Марфа схватилась за сердце и повалилась в крапиву. В 33-ем посадили ее отца-единоличника за неуплату налогов, и он сгинул в Березовском лагере на Оби ниже Колпашева. В 37-ом забрали мужа - с концами, без каких либо объяснений и известий. Дочь Галину, мать Верки, во время войны увезли в трудармию на кузбасские шахты, и ни одной весточки от нее Марфа так и не дождалась. Ей было чего пугаться. Мартин потом пожалел, что сказал про партийную кличку. Марфа недели две учила Верку увесистой хворостиной, что боровка зовут Борькой. Но та учению поддавалась плохо, и, вырвавшись из бабкиных рук, кричала, размазывая сопли: «Коба, его зовут, Коба! Борькой в том где борова кликали!» Но кто в деревне слышал про Кобу? Даже комендант – и тот вряд ли, иначе поостерегся бы даватьозвучную кличку своему сексоту. «Тятьке своему родня», - вспомнил Мартин его слова и со злостью подумал, что вот бы написать свой первый донос именно на коменданта, сравнившего врага народа с любимым вождем. Но его тут же замутило от гадостного ощущения. «Нет, надо что-то придумывать, как-то пытаться... Донос... Я не смогу...» Но как дальше жить и действовать – ничего определенного в голову не приходило...

Дальнейшее существование Мартина странным образом раздвоилось. Внутренне он для себя решил: доносы писать не будет. Но словно выполняя приказание коменданта, стал чаще сидеть вместе с мужиками на перекурах и поддерживать их нехитрые разговоры. Иногда ему казалось, что на него как-то не так глядят, словно догадываются, кто же он на самом деле. Во всякой нечаянной фразе, шутке он стал искать изнаночный смысл, намек, усмешливую недосказанность. Он иногда будто наблюдал за собой со стороны: как здоровается с мужиками, как спорит с председателем колхоза, как разговаривает с женой. Одн раз, дома вечером, ему даже показалось, что он стоит в углу у дверей и смотрит на себя, сидящего на лавке у печки, молчащего, с поникнутой головой. И тот стоящий будто говорил себе сидящему: думай, думай, ведь должен же быть какой-то выход! Все это было так реально - до испуга, что сейчас сойдет с ума. От объявшего его ужаса Мартин

выскочил из избы, нагреб между гряд первой жесткой пороши и стал яростно, до крови тереть лицо.

«Что с Вами в последнее время?» - тревожно заглядывала Мартину в глаза жена. «Прошу Вас, Лидия Мартовна, не спрашивайте, прошу Вас. Это нельзя говорить», - фразу он произнес по-русски, хотя дома они всегда разговаривали на родном языке. Будто кто чужой - невидимый - сидел с ними за вечерним столом...

...Прошел месяц, перевалил за половину второй, но Мартин ни одной записки на кузню так и не снес. Он понимал, что спрос когда-то наступит, развязка близится, но продолжал метаться душой между решительными «да» и «нет». Как-то в конце ноября они сидели с председателем в правлении, «рисовали» план посевной на следующую весну. Дверь резко отворилась, как от пинка, первым влетел в помещение и заливишо залаял комендантский кобелек, следом ввалился Чернота и с порога, увидав разложенные на столе полевые схемы, заорал на председателя Кожухова:

-Партбилета хошь лишиться? Ты чё это, твою мать, перед носом у вражины секретные карты расклал? Совсем вы тута бдительность потеряли, сволочи! А ты, прихвостень шпионский, - комендант злобно ткнул Мартина в грудь рукояткой бича, - загремишь у меня куды подальше.

Опешенный Николай Семенович вытаращил глаза:

-Егорыч, да ты чё в сам деле? Тебе какая шлея под хвост попала – Мартин сам мне эти карты и рисовал, сам поля вымерял...

-А ну, выдь отселя! – цыкнул комендант на Мартина.

Якоб выскочил на улицу и замер столбом возле Воронка коменданта, косящего на него недобрый глаз. Крик в правлении стоял до потолка. И мало сказать удивило – поразило Мартина, что председатель орал не меньше коменданта. Никто и никогда на его памяти с комендатурой так не разговаривал. А ведь председатель был осторожный, крученый и битый мужик, на «нерве» его не поймаешь. «Неужто наверху что-то меняется? – ослепила Мартина догадка. – Просто так, по горячке, Кожухов не закричал бы в ответ. Значит, разговоры в райкоме уже какие-то идут, и не просто разговоры, а какие-то бумаги уже пришли, готовятся постановления. Ветер начинает дуть в другую сторону?» Горячий счастливый клубок начал будто загораться внутри, готовый вырваться наружу чем-то радостным, но тут на крыльце вылетел Чернота, продолжая материться.

-А ты, твою мать, - погрозил он Мартина бичом, - про среду помнишь, сучара? Так я тебе напомню.

Распустив бич во всю длину, он щелкнул им, будто выстрелил, прямо перед лицом агронома. Второй замах опутал Мартина ноги, он смешно замахал руками и нелепо упал, больно ударившись спиной о накатанную, как ледышка дорогу. Кобелек стрелой вылетел из-за спины хозяина, схватил свалившуюся с головы шапку и, рыча, начал её терзать.

-В среду! - прошипел, склонившись над Мартином, комендант. – Иначе сгною как падлу. Чернота дернул бич так, что валенок слетел с ноги.

-Винтить он у меня вздумал, - ворчал комендант, усаживаясь в кошеву. И отъезжая, еще раз обернулся и погрозил Мартина. Было страшно, стыдно и унизительно. И не бича испугался Мартин. Ему показалось, что слова «помнишь про среду» прозвучали как гром орудий, их слышала и поняла тайный смысл вся округа. Мартин привстал и осмотрелся. Деревня будто вымерла - никто не хотел попадаться на глаза Черноте. Но в виске так и стучало: «Слышали... Все слышали...»

Вечерком перед выходным прошло колхозное собрание по лесозаготовкам. Прямо с него все двинулись на конный двор – «делить» коней и упряжь по бригадам и звеньям. Пока бригадиры чуть не до драки спорили за каждые вожжи, мужики курили в шорне у одновременного деда Осипа.

-Вызывает Сталин к себе знаменитого композитора, - затравил свою очередную байку Сёмка Зайцев, мужичонка веселый на вид, но какой-то совершенно бесполковый и бесполезный в работе, к тому же по пьяному делу «идиёт», как его баба говорит. Про него

шептали, что это он деда Петухова посадил: дед мешки из-под муки тряс на холстину, а стряски домой унес. Сёмка по пьяне и брякнул в комендатуре. Натрёс дед на два блина – два года дали.

– Вызвал, значица, и говорит ему: сочини такой новый гимн, чтобы воодушевлял, вдохновлял и призывал на **большие дела*** (Сёмка специально выделил эти два слова). Композитору куды деваться: есть товарищ Сталин, будет сполнено! Домой пришел, сел за фортепьяну и давай со всей мочи клавишами стучать. Весь воодушевился, вдохновился, да так, что сделал бо-о-льшие дела, - Сёмка выдержал эффектную паузу – Прямо в штаны! – И заржал первым и громче всех.

Мартин дернулся и оглянулся. В низких дверях шорни, прислонившись к косяку, стоял Ефрем и с усмешкой смотрел на Якоба, как бы спрашивая: «Напишешь?» Мартин сделал вид, что закашлялся от густого махорочного дыма и, оттолкнув кузнеца от двери, выбежал на свежий воздух.

Он пришел домой весь трясущийся, с невидящими глазами, и упал на лежанку вниз лицом, отказавшись от ужина. Ночью спать не мог. Его душили слезы, злость, страх, ненависть, жалость – и все эти чувства, сплетенные в один бич отчаяния, щелкали и щелкали перед его лицом. А наутро после бессонной ночи заболела и слегла Лидия Мартовна. К вечеру она металась в жару, временами теряя сознание. Два дня возле нее просидела бабка Устя, отпаивая травками, нашептывая чего-то неразборчивое, закатывая глаза и почти беспрерывно крестясь. На третий день болезни жар спал, Лидия Мартовна проснулась ближе к полудню белая, как полотно, с ввалившимися глазами. Якоб подсел к ней на лежанку и взял за руку. «Чего они от тебя хотят?» - едва шевеля спекшимися губами, прошептала жена. Он осторожно прикрыл ей рот рукой и попытался выдавить улыбку: «Всё будет нормально, всё будет нормально...».

В среду после обеда он отнес на кузню свернутую до размеров четверти спичечного коробка бумажку. В ней было две строчки: «Напал на след. Сообщу позднее. Кобов». Мартин понимал, что продолжает оттягивать выбор, эта записка была его последней отчаянной попыткой спасти себя и свою душу. Но больше никакие его уловки не пройдут, и надо предпринимать какое-то более реальное решение.

Нутро он пришел к председателю и прямо с порога заявил: «Николай Семенович, ради всего святого, отправь меня в Иванкино». Кожухов был до чрезвычайности удивлен его словами «ради всего святого» да и самой просьбой. Иванковские поля каждую весну отрезала вода, туда загодя, до разлива, уводили молодняк. Тем, кто ухаживал за скотом, приходилось несколько месяцев жить в полном отрыве от людей. Понятно, что желающих выполнять эту работу не было. К тому же нынче туда надо было заезжать не весной, а зимой, чтобы наготовить жердей на загородки и построить новый домик для пастухов. Под приказом никого не найдешь, а тут сам вызвался, да еще упрашивает...

…Весна была поздней, но дружной. Снег сошел маxом, и тепло потом не отпускало. Вода, как и предполагали, была большой, она превратила луга в бесконечные цепочки островов, отмеченные поставленными на буграх скирдами сена. На далеких безбрежных лугах, окруженных со всех сторон холодной синью, кроме Мартина ни души, только бычки да телки. Полеживают себе на сенном подстиле, неспешно пережевывая жвачку, и греют бока на щедром солнышке.

Якоб трясясь с зимы до самого половодья, каждый день и каждый час ожидая нарочного от коменданта. Успокоился только теперь, но и как сказать, что успокоился – тревога не уходила никогда. Скоро должен приплыть обласок с продуктами, и еще неизвестно какие вести привезут. Но что-то долго его не было. Якоб уже начал волноваться, потому что в некоторых протоках воды осталось только-только, через неделю она могла уйти совсем. Каждый вечер он мазал чирки дегтем, а по утрам уходил промеривать проходы по мелкой воде в ту сторону, откуда должен появиться обласок. Однако же охотник Куприян, знаток этих мест, приплыл неожиданно и совсем с другой стороны, откуда его Мартин и не ждал. – Задержался, - буркнул он мрачно, вытаскивая на берег муку, соль, бутыль с керосином и прочие припасы. – На угодьях у себя мал-мал застрял.

-Рассказывай, не томи - что там у нас в деревне нового, - насел на него Якоб с расспросами.

-Да чё нового? – пожал плечами охотник. – Всё то же. Степан помер, царствие ему небесное, лесиной его в тайге придавило, два месяца лежал - отмучался, наконец. Шатун на вербное в деревню пришел, у Марфы Горбуновой в стайке двух поросят задавил. Ну, мы с Кузьмой его прям на огороде и порешили.

-Мишка Кобу задавил? – удивленно вырвалось у Мартина.

-Какого еще Кобу? - не понял Куприян. – Говорю тебе, двух Марфиных поросят - у Феньки она их нынче брала. Подтолкни-ка лучше обласок.

И уже в протоке Куприян остановился:

-Совсем забыл сказать – вас, вроде бы, от комендатуры открепляют.

-Как открепляют? – Якоба будто жаром обдало. – Почему – вроде бы? А что комендант говорит?

-Да чё он скажет – его там нету давно. Сидит в комендатуре какой-то молодой, справки выписывает... Андрис и Велло уже домой ехать собираются: где-то услышали какую-то хрень и теперь по деревне с прискоком бегают, - иронично усмехнулся Куприян.

-Домой?! – прошептал пораженный известием Мартин. – Да как же... А я... А мы...

-Ты меня не пытай, придешь в комендатуру – сам узнаешь. Но в деревне говорят: собираются домой, - Куприян уткнул весло в близкое дно и уплыл без «до свиданья», как и приплыл без «здравствуй».

Онемевший и осталбеневший, Якоб долго стоял на берегу и боялся поверить в услышанное. Когда черная точка обласка исчезла с зеркала воды, Мартин упал лицом в мокрый берег и, хватая пальцами старую желтую осоку, заплакал:

-Велло с Андрисом домой собираются... Домой собираются... Домой...

Уткин Василий Андреевич
с. Негорное
т. 89138849961